

Хаусхофер К. Панидеи в геополитике

Karl Haushofer, Geopolitik der Pan-Ideen ("Weltpolitische Bücherei". Bd 21. Berlin, 1931)

ГЛАВА IV

Прорывы кажущегося естественным панобразования

Где мы видим на поверхности Земли отображение нарушений воплощенных панидей, кажущихся наиболее естественными, связанными с традиционными частями Света, другими, точно такими же или более мощными идейными кругами, предопределенными пространством или образом мыслей, укоренившимися на суше или порожденными морем или же вызванными чисто духовно – мировоззрением или общественной, экономической идеологией, чье распространение все-таки можно нанести на карту земной поверхности и таким образом сделать географически понятным и измеримым?

Прежде всего речь идет о противостоянии ислама, локально и пространственно более отчетливо постижимого, чем численно более мощные мировоззрения христианства и буддизма, в основном связанного с поясом пустынь Старого Света и примыкающей к нему степной окраиной, однако далеко простираясь и распространяя свое влияние за его пределы, который – в противоположность другим крупным, возникшим в Старом Свете мировоззрениям – отметил себя печатью исключительности своими панисламскими течениями (Richtungen).

Ведь ислам назвали религией пустыни, и о нем написаны труды, связавшие его с этим видом растительности более тесно, чем можно было бы в действительности связать (Индонезия! Восточная Бенгалия!). Однако фактом является то, что никакое другое духовное движение человечества не оказало в такой степени влияние на осложнение других истинных панобразований в Старом Свете, как распространение ислама вблизи пояса пустынь Старого Света и в районах искусственного орошения на его окраинах, через все без исключения переходные зоны (Landbrücken) между пан-Азией, пан-Европой и пан-Африкой. Другими культурно-политическими разрушителями панскрижалей являются эллинизм, культура Гандхары¹ и индо-серийская культура; миграции малайцев, "бродячих людей" (orang malaiu)², которые "при самой малой численности оказывали огромное влияние" (Ратцель); нарушителями, опирающимися на силу, были талассийские, средиземноморские имперские образования римлян, океанские – иберов [испанцев и португальцев], голландцев, французов

и британцев, по мощи и экономической политике втиснувшийся между Азией и Европой Советский Союз.

Разрушительно по отношению к идеям организации частей Света или континентов в традиционном понимании неоднократно действовали и такие части создаваемого пространства, которые на основе имперского мышления выросли в более крупные связности. Так случилось, когда первоначально прибрежные образования, как старая Генуя или Венеция, вышли в море и вовлекли окраинные острова Леванта³, отделившиеся прибрежные полосы в государственные образования, чье попечительство, как нередко было с венецианским, быстро принесло европейцам худую славу (что уже испытала и Англия со своим японским союзом⁴); или когда более чем близкое к внешнему завершению паниндийское пространственное образование Восточной и Южной Африки, которое виделось как Индийская Америка и мечтам о котором предавалось полмиллиона переселившихся туда индийцев, было втянуто в тихоокеанский и австрало-азиатский островной мир.

Разрушающе действовало также преходящее имперское образование царской России на северном побережье Тихого океана, которая стремилась превратить Окраинное море (Берингово море) в закрытое русское море – в "mare clausum" и еще в первой трети XIX в., дабы преградить англосаксам доступ к тихоокеанскому побережью Северной Америки, заключила с испанской Южной и Центральной Америкой договоры, которые перекрывали Золотые ворота Сан-Франциско⁵. Итак, новым является в действительности транстихоокеанская позиция США, позиция "primus inter pares"⁶, первого среди партнеров, лишь с большим трудом поддерживающих видимость равенства на самом большом океане! Свообразие этой позиции мы докажем при последующем рассмотрении морских панидей. Сейчас же ограничимся констатацией, что проникновение финикийцев в западную часть Средиземного моря воспринималось, само собой разумеется, как разрушение строгого разграничения между Азией, Европой и Африкой, как и последующее наступление эллинов в Азию, римлян – в Азию и Африку в противоположном смысле; разрушителями строгого деления на части Света явились и следовавшие один за другим чужеземные "покорители Индийского океана" (Баллард), и преодолевшие тихоокеанс-

кие просторы Бальбоа, Магеллан, Кук, Перри⁷ и многие другие. Они помогли подготовить разумное образование Пантхоокеанского союза, которое ныне угрожает подорвать панамериканские, как и паназиатские, интересы, австралийские желания обособления и великоазиатские, паниндийские и великояпонские или малайские идеи в равной мере. Разрушителями скрижалей с паннадписями традиционного стиля являлись также – и это само собой понятно – великие трансконтинентальные переселения и военные экспедиции, оставлявшие за собой в некотором роде долговременные последствия, вызывавшие, правда в отдаленной перспективе, действия зачастую совершенно иных сил, чем те, что были призваны ими вначале.

Все же совсем нелегко в отдельных симптомах – описанных как великое переселение народов – кочевых перемещений в Старом Свете с амплитудой от Великой Китайской стены до наскальных рисунков в Северной и Западной Европе и южноафриканских стенных росписей – распознать совокупность. Однако уже именно от этих переселений отпочковывается серия контактного метаморфоза и передвижений, коими насыщены Европа, Старый Свет. Поход Александра⁸ и нашествие монголов выступали, с одной стороны, носителями пандвижений, а с другой – в еще большей степени разрушителями панобразований, и далеко не в единственном смысле. В конце концов первые письменные пантхоокеанского региона (*Umfrandung*) – на нечеткие следы которых напали интеллектуалы, такие, как Гриффит Тейлор, Фробениус, Фридеричи, Заппер⁹ и другие, – были принесены палеоазиатами из Северо-Восточной Азии – от пещерных форм тихоокеанского американского побережья до культуры майя, ацтеков и кишуа; следы, с которыми встретились, вероятно, по другую сторону островной дуги (*Inselwolken*) с последней промежуточной высадкой на острове Пасхи малайцы и полинезийцы и жители Юго-Восточной Азии.

Кажется почти чудом, что, несмотря на очень сильный натиск и ломку правил, представление о частях Света в традиционном стиле могло удерживаться так долго как основание для формирования панидей, как и то, что оно то тут, то там распадалось под мощным толчком и осколки или части пространств отчуждались тем или иным наднациональным имперским образованием. Такие утраченные части территорий, вроде бы мимолетно отделенные от части Света, порой отторгались в полном смысле слова на сотни и тысячи лет. Возврат к прежней окружающей среде им часто приходилось оплачивать наступлением упадка и краха, как пережили это Александрия, Циндао и как еще предстоит испы-

тать Сингапуру или Шанхаю. Такую же участь разделили даже центральные ландшафты и их деловые центры – Афины, Дели или Рим.

Кого из знатоков жизни удивит, что в наступлении (*im Aufkommen*), в первом ударе нарушители гибких естественных порядков, которые кажутся прочно стоящими на Земле и в пространстве, временно, *in statu nascendi*¹⁰, оказываются сильнее, чем сопротивляющиеся, стремящиеся лишь удержать существующее? Только во временной протяженности геополитический фактор доминирует над бурным желанием, сводит средний уровень к средней норме, ибо “крайности не продлевают вид, породу, расу” (Челлен).

Для способности панпорядков поддерживать новые пространственные законы, которые в первую очередь разрушают старые, решающее значение имеет, обладают они или нет пространственным инстинктом, биологическим умением приспособливаться. В этом направлении удивительно то, что чисто духовные пан-движения, например великие мировые религии, полагались в этой сфере на благоразумие, как обдуманно вели себя они по отношению к сугубо насильственным движениям, народным волнениям или даже “с военной точки зрения из рук вон плохо руководившемуся предприятию всемирной истории” – крестовым походам¹¹.

Как рассудительно и гибко принимает в расчет возникшая в Передней Азии, сложившаяся в Средиземноморье традиция христианства климатические условия северогерманцев и их представления о разделении политических пространств! Насколько податливой к изменениям показала себя буддийская панидея в своем продвижении, с одной стороны, по ландшафту Центральной Азии по пути Махаяны¹², а с другой – по прибрежным морским путям учения Хинаяны¹³, что точно раскрывает доктор Вюст в своем исследовании ламаизма как формы культа ландшафта Центральной Азии. Как отчетливо прослеживаются прежде всего при зарождении и распространении пандвижения ислама отдельные фазы и повороты, при которых бурно выраженные паузы необходимого пространственного приспособления сменяются волевыми импульсами движения вперед (*Weitertragen*) сквозь преграды естественных пространств. Очень немногие пандвижения, как ислам – так называемая религия пустыни, находились под наблюдением и прослеживались столь внимательно с момента его зарождения панобразованиями, которым угрожала опасность, поэтому ислам по праву служит прототипом нарушающего пандвижения. Он следовал по многим путям предшествовавшей ему эллинистической культурной волны и рас-

кривает нам тем самым процесс, характерный для всех пандвижений, а именно при всем желании к обновлению они охотно пользуются геополитически уже опробованными путями. Так, эллинистический торговый язык увлек за собой в регион устья Инда арабский, а с возвращавшимися по муссонным трассам арабами, китайцами, японцами проник иберийский – ни один, ни другой не оставили бы отзвука, не заставили бы без него как-либо вступить на почву, где победитель следовал в пространстве за побежденным, приспособляясь к нему.

Мы видим это до определенной степени на примере экспансии морских, как и степных, народов в морские и степные пространства, являющиеся двумя воспитателями крупнопространственного мировоззрения, сильнейшими политико-пространственными соблазнами, побуждающими к разработке проектов образований панидей.

Этот процесс можно проследить в последнее время на примере самой молодой крупнопространственной панидей, посредством которой американская культурная политика соорудила от панамериканского к паназиатскому образованию через смелое пантихоокеанское несколько искусственно связывающую дугу (Wölbung).

При этом и пантихоокеанская идея следовала по уже имеющимся опорным камням и разумно использовала их в меру пригодности для строительства. Доказательством этого, вероятно, является блестящая мысль сделать день памяти испанца Нуньеса де Бальбоа, 29 сентября 1513 г. впервые возвестившего о возможности такого панстроительства, днем поминания идеи на всех тихоокеанских ландшафтах. Это, наверно, неожиданно для сведущих в истории, что на Филиппинах, которые в 1571 г. были включены в систему испанского господства на Тихом океане, в современном Шанхае, в Японии (чей великий сёгун Иеясу¹⁴ еще задавался вопросом, почему ему следовало бы бояться короля Испании, ведь он достаточно овладел искусством воина и способен ему противостоять) еще и сегодня в день св. Михаила можно видеть, как отмечают память человека, которого корона Испании позволила казнить в 1517 г. Эта скромная процессия (Zug) содержит в себе, пожалуй, гораздо больше доказательной силы превосходящей власти идеи, а также пространственной идеи в противовес краткосрочному насилию, чем многие другие доводы, которые мы могли бы привести далее на сей счет.

Отношение американцев Соединенных Штатов к пантихоокеанской идее – один из грандиозных примеров – подобного переменному току – воздействия духовного движения, родившегося

из крупнопространственного мышления, на пространственное образование и обратного воздействия, что становится ощутимым на поверхности Земли, хотя и лишь в планах, проникнутых новым, наводящим духом. Это углубляющееся ощущение пространства наряду с его растущим покорением было неминуемо, как все такие движения, носителями которых поначалу были лишь одиночки, и требовались сильные изъявления, чтобы увлечь многих. И это все же заслуга тех, кто с готовностью вступили на этот путь крупнопространственного мышления и держали ответ вместе, как обычно большинство. Духовное движение за преодоление пространства было налицо еще до того, как появилась возможность осуществить его на практике, даже до того, как пространственные владения Соединенных Штатов приблизились к Тихому океану. Его образование объясняется, по нашему мнению, слиянием духа, построившего из океанского инстинкта Британскую мировую империю, с импульсом преодолевавшего континент “Westward ho” (“Вперед на Запад”), который увлек прежние прибрежные штаты времен Войны за независимость в глубь материка, во все большие пространства, ставя каждый раз более широкие пространственные проблемы так, что они, распространившись по другую сторону прерий и тихоокеанского “раздела” (главного водораздела части Света) на самом большом мировом море, переместили побуждающий к движению момент с прерий на океанские просторы и добавили к нему другой импульс к расширению [пространства], явно океанский, шедший от восточного побережья. Эти же проблемы пробудили вначале и японского соперника по другую сторону Тихого океана и ему ставили в упрек странный поворот (это слово, вероятно, родилось в австралийских устах) относительно его убеждения в “ошибке Иеясу”: что греховным упущением японцев и их мудрого сегуна было то, что они не хватались за тихоокеанский трезубец и возможность освоения тихоокеанских островов и окраинных земель, а это обеспечило бы [Японии] многовековое превосходство. Правда, с начала XIX в. Соединенные Штаты Америки наперстывали упущенное: в 1813 г. отважными, полными приключений тихоокеанскими плаваниями, в 1842 г. – еще до того, как американцы добились права на тихоокеанское побережье, – декларацией о Гавайских островах, затем, в 1845–1858 гг., пробившись вначале северным, затем калифорнийским клином к побережью Тихого океана и сломав русско-испанский сговор¹⁵, направленный на их сдерживание, наконец, покупкой Аляски и приобретением островных опорных

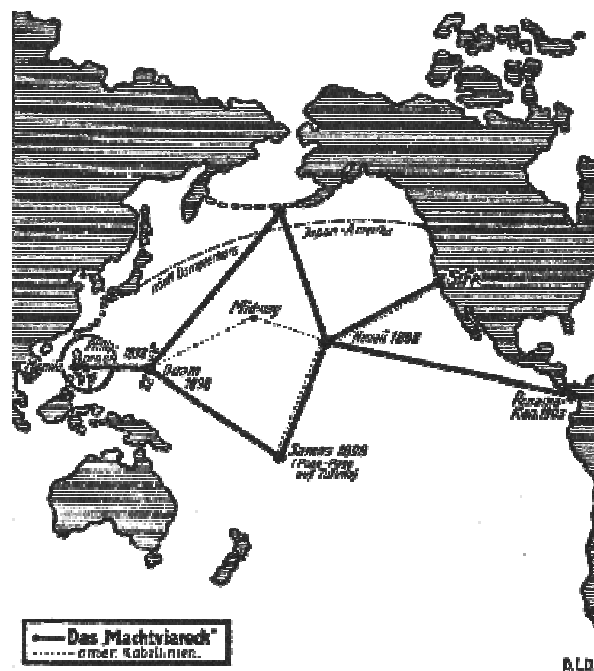
пунктов завершили провидческий поворот к Тихому океану.

В повороте Соединенных Штатов лицом к Тихому океану прослеживаются на протяжении длительного времени два направления: одно, с отчетливо каботажной окраской, берущее начало в отношении мореплавателей восточных штатов к тихоокеанским островам, а именно к Гавайским, к Южным морям и Японии; и другое, более решительное, исходившее от импульса тихоокеанских прибрежных штатов, в особенности от Калифорнии. Это ведет к их в известной мере основанному на силе государственно-политическому объединению благодаря Мэхену и Рузвельту¹⁶, к экономико-политическому – благодаря Бруксу Адамсу в последнем десятилетии XIX в.; наконец, к длительному времени вызывавшей возбуждение культурно-политической консолидации, главными выразителями которой с самого начала были прозорливые тихоокеанские миссионеры. Своего апогея данное объединение достигает в блестящем успехе культурно-политического Тихоокеанского союза, Тихоокеанского института в Гонолулу и журнала “Pacific Affairs” с их тихоокеанскими конгрессами.

В культурно-политическом объединении был постепенно преодолен насильственный, бросавшийся в глаза грубый нажим тихоокеанских прибрежных штатов, а именно в пререканиях школ и запретах въезда в страну и в препятствиях даже для такого духовного лидера, как Рабиндранат Тагор (которому потому дали поворот от ворот Калифорнии!). Не случайно США направили послом в Японию Уильяма Р. Касла, ярко выраженного умиротворителя, сына человека, который оставил руководящий пост на Гавайских островах, не пожелав содействовать политизации миссии в пользу аннексионистского движения. Он родился еще при Калакауа¹⁷ – последнем туземном короле Гавайских островов, получил прекрасное образование в США и был направлен на ответственный пост за границу. Не случайно и то, что сенат Соединенных Штатов Америки – отступая от фронта очевидного политического и экономического империализма в западной части Тихого океана – готов теперь предоставить Филиппинам¹⁸ обещанную свободу, правда сохранив там в силе, несмотря ни на что, военно-политическое и экономическое преимущество США. И все же в этом скрыта нелегко добытая победа компромиссного пантихоокеанского культурного движения – вопреки могущественному государственному секретарю Стимсону¹⁹.

В таких событиях ослабления напряженности ясно проступает отчетливо переносимая из чисто духовной позиции в пространственно-

политическую область трансформированная и картографически зримая, находящаяся на подъеме сила культурно-политической панидеи, чья опорная точка для перенесения – прежде “сего благоприятное расположение Гавайских островов и неразумность включения Филиппин, принадлежащих к Восточной Азии, в силовую структуру западной части Тихого океана, даже если это зафиксировано в столь убедительной с военно-политической точки зрения форме, как “Американский четырехугольник” (“American Qudrilateral”) на больших морских просторах. Особый вопрос (Anhafterpunkt), имеющий транс-океанское морское значение (впадина!), также непременно сохраняется, упраздняется лишь пространственно-политическая нагрузка архипелага: иными словами, победа океанской тенденции над континентальной, над пространством вместо состояния с трогательной примесью империалистического духа.

Пантихоокеанские силовые направления США:
Американский четырехугольник

Das Machtviereck – четырехугольник, дающий власть (всемогущество)

Amer. Kabellinien – американские кабельные линии

Несомненно, пантихоокеанская идея – охватывающая в равной мере и сам океан и прилегающие к нему районы и побережья, – чисто географическая панидея, являлась как бы континентальной; в то же время для паназиатской, как и для панамериканской, исключительности она имеет нарушающее, наступательное воздействие; и, конечно, пантихоокеанскую компромис-

сную мысль ощущали некоторые панидеи старого стиля в их стремлениях к власти, как колониальные империи и осколки колониальных империй Великобритании, Франции, Голландии, Португалии, а также великояпонские, малайско-монгольские мечты о будущем и жаждущие обновления носители сохранившегося в памяти китайского имперского мышления.

И все же мы считаем Тихоокеанский союз как морское, панокеанское движение самым сильным сегодня на Земле, в своем роде доступным пониманию, несмотря на кажущееся картографически более впечатляющим формирование империи Индийского моря, внутренняя, идеологическая несвязность которой слишком очевидна и которая, как ее многие предтечи в Индийском океане, в конце концов растворилась в сети особых опорных пунктов, отдельные из коих рано геополитически выделились и стали весьма устойчивыми, даже меняя своих хозяев. Пантхоокеанское движение, в особенности с британскими идеями морской империи, занимающими второе место на буксире, со склонностью к эволюции, является будущим достойным противником крупнейшей революционной континентальной панидеи: и та и другая исходят от держав, не входящих в Лигу Наций!

Наконец, в какой высокой степени охватывающая весь мир, объединенная океаном совокупность рассеянных владений, как Британская империя, в меньшей степени предшествовавшие ей заморские образования с опорными пунктами или крупные опорные части империи, нарушая, проникали в чужеземные панобразования, пока они сами не стали таковыми (пан-Британия, Великая Британия) или таковыми сумели себя сотворить (австралийское Сообщество), об этом свидетельствует любая добротная карта империи, любая из многих, здесь не названных работ, которые рассматривают такое строительство, вероятно лучше всего – статья в “Economist” “The evolution of the colonial empire” (“Эволюция колониальной империи”)ⁱ. Ведь эта статья справедливо напоминает об остатке территории колониальной империи, которая после эволюции крупных доминионов в Британское Содружество наций²⁰ все еще сохраняется (после принятия новой конституции Цейлона)ⁱⁱ, которая, раскинувшись по всей планете, считает все же своими основными жемчужинами тропический регион сообразно дополнительным потребностям метрополии. Однако *primus mobile* является “the human factor”. Но в этом же месте обнаруживается и нарушающее пересечение с объединяющими местными или обусловленными морем локальными пан-устремлениями, а именно почти со всеми, где сосредоточивается большое зат-

руднение для британского имперского союза. Пан-Азия, пан-Африка, пан-Америка, пан-Европа, все крупные организации частей Света (только не пан-Австралия, которая на 96% британская, но очень малозаселенная); пантхоокеанское движение (в которое искусно включились, но относятся к нему все же с недоверием как на представляющее тайные преобразовательные тенденции, угрожающие империи Индийского моря) и отказ со стороны США гарантировать владения в Атлантике; соображения о надгосударственной организации всех трех Средних морей: панидеи старейшей христианской церкви, буддизма и ислама, ближневосточные, арабские, паниндийские, великокитайские, малайско-монгольские и советские суждения, даже предстоящая в будущем панафриканская эмансипация – все они так или иначе сталкиваются с этой колониальной имперской цепью, прочные и гибкие узлы которой образует следующая за атмосферой по пространственному охвату географическая сила Земли – Мировой океан!

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ (с.299) “Economist”. 28.VII.1928. P. 164–165.

ⁱⁱ (с.299) Parliamentary paper. 3131/28.

¹ См. примеч. 6. С. 143.

² “Лесные малайцы” (малайск.).

³ Левант (*фр.* – Levant, *итал.* – Levante – Восток) – общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря, в узком смысле – Сирия и Ливан.

⁴ Англо-японский союз (1902–1921) представлял собой совокупность договоров. Первый договор о военно-политическом союзе между Англией и Японией был подписан в Лондоне 30 января 1902 г сроком на пять лет. Предусматривал “особые интересы” Англии в Китае, а Японии в Китае и Корее Договор был крупной победой японской дипломатии, дававшей Японии возможность начать борьбу с Россией, не опасаясь вмешательства третьих держав. 12 августа 1905 г в Лондоне был подписан второй союзный договор сроком на 10 лет, а 13 июля 1911 г – третий договор. На Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. США добились расторжения этого союза. Его заменило соглашение четырех держав (США, Англия, Япония и Франция) о взаимных гарантиях неприкосновенности их островных владений в Тихом океане.

⁵ Золотые ворота – пролив, соединяющий бухту Сан-Франциско с океаном. См. также примеч. 9. С. 65.

⁶ “Первый среди равных” (*лат.*).

⁷ Магеллан Фернан (около 1480 – 1521) – португалец, мореплаватель на испанской службе, совершивший первое кругосветное плавание. Кук Джеймс (1728–1779) – английский мореплаватель, совершивший три кругосветных плавания, исследовал восточный берег Австралии. Перри Мэттью Калбрайт (1794–1858) – американский морской коммодор, добившийся прорыва самоизоляции Японии.

⁸ Поход Александра Македонского начался в 334 г. до н.э. В результате завоевания Персидского царства Ахеменидов и проникновения в Индию Александр создал мировую империю, простиравшуюся от Дуная до Инда. См. также примеч. 15. С. 225.

⁹ Заппер Карл – видный немецкий географ, сотрудничавший с Хаусхофером в журнале “*Zeitschnft für Geopolitik*”.

¹⁰ “При рождении” (лат.).

¹¹ Крестовые походы – чисто завоевательные мероприятия, осуществленные под религиозными лозунгами. В результате первого крестового похода в Палестине было основано Иерусалимское королевство по образцу европейских феодальных государств.

¹² Направление в буддизме, возникшее в I в. в Северо-Западной Индии.

¹³ Южная ветвь буддизма с центром в Канди (Шри Ланка).

¹⁴ Иеясу (1543–1616) – первый сёгун из династии Токугава, завершил борьбу за политическое объединение феодальной Японии.

¹⁵ См. с. 60 данного издания.

¹⁶ Речь идет о Теодоре Рузвельте (1858–1919) – тридцать шестом президенте США (1901–1909).

¹⁷ Калакауа был королем Гавайских островов с 1874 по 1891 г.

¹⁸ Еще закон Джонса (29.VIII.1916), одобренный конгрессом США, предусматривал возможность предоставления Филиппинам независимости только при условии создания стабильного правительства. В последующие годы под влиянием массового патриотического движения на Филиппинах и в соседних с ними районах Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке, начавшегося мирового экономического кризиса США вынуждены были пойти на уступки. Одной из первых акций “нового курса” Ф.Д. Рузвельта было предоставление Филиппинам статуса автономии. Окончательно независимость Филиппин была провозглашена 4 июля 1946 г.

¹⁹ Стимсон Генри Льюис (1867–1950) – государственный деятель США, в 1928–1929 гг. – генерал-губернатор Филиппин, в 1929–1933 гг. – госсекретарь.

²⁰ Британское Содружество наций (1931–1947) – объединение в составе Великобритании и ее бывших колоний, получивших независимость. Оформлено Вестминстерским статутом 1931 г., который предусматривал установление суверенитета доминионов в рамках Британской империи. Согласно статуту, законодательство каждого доминиона получало суверенную силу, даже если оно противоречило законам метрополии. Доминионы приобретали право проводить самостоятельную внешнюю политику, решать вопросы войны и мира, включая вопрос об участии в войне на стороне метрополии.

ГЛАВА V

Морское пространственное мышление и панидеи

Море и части морей, разделяющие сухопутные пространства, придают значимость океанским, талассийским, прибрежным мотивам [в

отношениях] между государствами лишь на национальной основе и в наднациональной организации; Внутренние и Срединные моря уже способны пробудить имперские идеи, равно как и панидеи. Организация целых океанов ведет к империи Индийского моря, к тихоокеанской позиции Соединенных Штатов: к четырехсторонности (Quadrilateral)! Противоречие между заокеанской силовой и культурной политикой проявляется, например, на Филиппинах, которые служат своеобразным манометром! До сих пор неудача подстерегает только Атлантику в отличие от Тихого океана с его несомненно конструктивной геополитикой!

Однако морской империализм, вооруженный и бряцающий оружием, самопроизвольно не готов возникнуть подобно Афине (Палладе) из головы Зевса, а именно, потрясая трезубцем, сделать мысль о превращении части моря, Внутреннего или Крайнего моря, затем Срединного моря, наконец, Океана или же их совокупности – Мирового океана с его серебряным поясом связующей геополитической силой некоей панидеи. Идея господства над морями развивалась в ходе трехтысячелетней схватки с идеей свободы морей, в конечном счете в грандиозной попытке к соединению обеих. И все же эта мысль о господстве значится также как символ в мудрейших словах римлянина Саллюстия¹, полагавшего, “что любая позиция силы могла бы утверждаться лишь теми средствами и искусством, благодаря которым она была изначально приобретена”. В глубь ранней истории человечества уходит мысль о создании заокеанской Британской империи: к финикийцам, критянам, эллинам в Восточном Средиземноморье, индошумерам в Персидском заливе; к первому разбегу Понтийского царства² и пестрому ряду “*dominien maris baltici*”³ северо-германцев; к созданию могущественной, охватывавшей Средиземноморье *Orbis Romanus*⁴ и к морской мощи Венедиг (сохранившейся как Венеция!), которую британцы так часто находили родственной по образу мыслей. В таинственном дуализме природа и искусство сотворили на Востоке Старого Света то, что поначалу было Внутренним морем, затем Японским морем и в конце концов стало тем, что японцы называли *Nan-Yo* – Южным морем, обширной Японской империей; а между странами Заходящего (Abendland) и странами Восходящего Солнца (Aufgangsland) через Индийский океан прокладывали пути “наездники муссона” – финикийцы, эллины, арабы, китайцы, малайцы, связывая цепи окружавших острова торговых пунктов, на которых поднялось первое океанское окаймление (*Umrandung*) – империя Индийского моря. Позже был переброшен мост

через бездну Атлантики к североатлантической империи культуры англосаксов, к строительству иберийских народов в южноатлантической зоне. Задолго до этого россыпь островов в Тихом океане связывала между собой народы и служила путем продвижения культуры. Но первые панидеи на этот счет осуществила Испания лишь в 1514–1570 гг., малайцы и полинезийцы были для этого слишком неорганизованными, морскими бродягами, не обладавшими чувством истории.

Итак, нам остается бегло пройти по истории, начиная от потока культур Нильской долины и ландшафтов Двуречья (Тигра и Евфрата) и Инда и шедшего в том же направлении, давно иссякшего родственного потока на Мемфис, Ур, Харашу и Мохенджо-Даро⁵ и ретроспективно увидеть в четвертом тысячелетии до нашей эры противостояние морских панидей континентальным образованиям и их прорывы.

“Самое важное, что может быть сказано по поводу отношений между народами” (Ратцель) кроется в этом противоборстве, в поступи твердой суши через прибрежную жизнь к талассийскому и океанскому существованию. Многие жизненные формы в процессе этого движения остались мимоходом включенными в прибрежную и талассийскую действительность. Разумеется, при этом всегда устанавливался предел: как далеко простирается в глубь страны обоснованное влияние на Мидгардского змея⁶, на серебряный пояс, на морскую силу, на морскую мощь, т.е. каково так называемое право территориальных вод. Где сухопутному пространственному мышлению части Света удавалось оттеснить его, наконец, бесследно проложить путь обратно в море к другим, не защищенным от грабительских набегов открытым побережьям?

Лорд Пальмерстон⁷, безусловно свободный от стесняющих предрассудков, в последние годы своей жизни предостерегал и предупреждал свою господствовавшую на морях родину относительно Суэцкого канала, полагая, что он обременит ее в регионах Ближнего и Среднего Востока, империи Индийского моря большей континентальной ответственностью, чем могло бы нести островное государство. События последнего времени указали Японской империи границы и рубежи (Корея, Маньчжурия), подобные тем, которые часто открывались старой Венеции в ее связи с *terra firma*⁸, а позже в родственной форме, но в неизмеримо большем масштабе Британской империи. Полагали, что вместе с графом Гото⁹ после тяжелой борьбы можно в конце концов осуществить в Маньчжурии справедливое разграничение с русскими, соединив континентальное и морское влияния: куда труднее с

китайцами! Русско-японская линия раздела на основе конвенции 1925 г.¹⁰ нам известна¹. Однако в пику китайцам К. Хонда говорил в 1928 г. о “Маньчжурии как первой линии обороны Японии”, а Т. Кикучи – о ней как о “дочери Японии”. Где же тут право Китая, направившего в этот район за одно поколение 30 млн. человек в сравнении с 240 тыс. японцев, 160 тыс. русских?

Было бы захватывающе интересно и поучительно установить на основании многих исследований, таких, как исследование Лаутензаха “Mittelmeere als Kraftfelder” (“Срединные моря как силовые поля”), или Мерца “Nord und Ostsee” (“Северное и Балтийское моря”), или мое “Geopolitik des Pazifischen Ozeans” (“Геополитика Тихого океана”), насколько глубоко панидеи, опирающиеся на море или части морей, могли успешно противостоять панидеям, возникшим на суше, при медленном уравнивании сил, или же они не могли больше взять верх. Такая попытка могла бы дать необычайно ценные точки опоры для оценки силы геополитических факторов, способных утвердиться на длительный срок в деяниях и воле по сравнению со средним уровнем. Вероятно, наиболее распространенная ошибка наших атлантов и их школы – представлять исключительные достижения Александра Македонского, Цезаря, Хубилайхана, Наполеона в покорении пространства как само собой разумеющийся, достойный памяти образец. Однако, воспитывая на таких примерах культ героев, можно легко проглядеть главных действующих лиц в грядущем, то, какой огромной мощью и стойкостью сопротивления обладают привычное в пространстве и по форме, долговременная сила геополитики. Океанский человек более открыт судьбоносным учениям, чем косный, континентальный, более проникателен в понимании возможностей пространства. Это является основой способности океанских народов (Ратцеля больше всех поражали малайцы) при крайне малой численности действовать с максимальным эффектом. В этом, вероятно, и основа того, почему имперские образования, равно как и панидеи, опирающиеся на прибрежные и талассийские силы, легче претворяются в жизнь, почему в своем воображении мы отдаем предпочтение охватывавшему Средиземноморье панобразованию в Римской империи перед сравнительно небольшим имперским центром – Ираном. Римская империя с внешней стороны ближе подходит нашей идее панобразования, чем внутренне столь полиморфная первая Великая держава Ближнего Востока, которая все еще и сегодня блуждает в мыслях о будущей консолидации. Перед обширными континентальными картинами по обеим сторонам трассы переселе-

ния скифов в так называемые средние века ослабла, правда, никогда не забывавшаяся, а в *fascio* [итальянском фашизме] вновь возродившаяся римская средиземноморская имперская традиция. До борьбы за Индийский океан и морские империи Европы были малопрозрачными, хотя, как и венецианская, образцовыми по структуре, так что их стойкость помогла устоять против мощного натиска турецкой силы.

В книге “Границы” (гл. VI) я постарался сопоставить восприятие границы и ее защиты людьми и народами, подверженными морскому влиянию, отношению к морю. Читатели найдут там также классически выраженное, совершенно иное отношение морской панидеи, воплощенной лишь в одном отдельном городе, в Венеции, в тексте надписи над порталом ее магистратуры *sulle acque* – над водой¹¹. Исследуя представления европейских стран о связанном с морем государственном и хозяйственном организме, мы еще и сегодня обнаруживаем в них отражение понятий и опыта старой морской державы – Афин, грабительских войн Рима на море и *classic frumentaria*¹², но прежде всего беспрецедентного насилия средневековой Венеции в отношении германских имперских городов и их культуры Возрождения с более полнокровной жизнью, чем у избороздивших весь мир англосаксов и близких к ним малай-монголов. Это – большее сродство малоземельных с малоземельными, хотя сам опыт противоположный.

Но такие факты выдают, что слишком односторонняя, в историческом и юридическом смыслах понятная, а в биологическом роковая ретроспективная склонность сильно затрудняет понимание не только современных и будущих океанских панидеей (таких, как имперские британские, американские – Соединенных Штатов, англосаксонские культурно-политического Сообщества, тихоокеанские), но и отношение к морю вообще, не понятно, как утверждает Тирпиц, немцем. Безусловно, надо также принять во внимание тот факт, что только еще одна крупная культурная нация – китайская – пережила сходное с немецкой нацией катастрофическое сокращение морского побережья в ходе строительства государственной власти: за одно столетие береговая линия Китая сократилась с 17 тыс. км до 7100 км, а Германии со времени Гогенштауфенов¹³, затем Ганзы, Германского союза, Германо-Австрийского соглашения и до настоящего времени с более чем 5000 км до 3300 км, затем 2700 км и, наконец, до немногим более 1000 км. Такие цифры говорят сами за себя!¹⁴

Сколько стоило усилий довести, но не к началу мировой войны, до сознания подавляющей массы континентальных немцев, что театром

военных действий явится область, соседствующая с побережьем и заливами, затем романское Средиземноморье; как по-континентальному читали они свою военную карту, на которой неизменно под Центральной Европой в сущности понималось занимаемое ими пространство, в то время как в поле зрения океанских противников всегда находилась карта мира. Тем не менее было фактом, что единственное более крупное взаимосвязанное морское пространство, решающее для длительного сопротивления Центральных держав, – Балтийское море, смогло избежать блокады, хотя и существовала возможность закрыть его как Черное море¹⁵. В Японии знают, что означает для поддержания жизнеспособности островного государства абсолютное господство сначала над территориальными водами, а в русско-японской войне – над Японским морем, в будущем же безопасность пространств между Татарским проливом, проходом Цугару, дугой островов Рюкю и Формозским (Тайваньским) проливом, даже когда остается необеспеченным пространство архипелага на Юго-Востоке.

Пример: четкая прорисовка Челленом в его работе “Schweden” (“Швеция”) увядания морской имперской идеи, вроде шведской, могла бы стать предостережением всему северному германству, куда ведет при малом пространстве отсутствие последовательного отношения к выходу в море. Однако то, что мы можем привести как исторические примеры морских жизненных форм, было всегда лишь имперским мышлением к началу эпохи, которую ошибочно именуют империалистической. И империя Индийского моря в конце мировой войны, откуда угрожали быстро выпасть удерживавшие ее свод увесистые камни – Индия Египет, была в сущности имперской идеей, а вовсе не панидеей.

В качестве морской панидеи в духе нашего времени мы должны признать лишь пантихоокеанскую. Это делает образование понятий, учитывая неповторимость противостоящей ему проблемы, столь трудным, что этим следовало бы заняться прежде всего пантихоокеанским конгрессам, журналу “Pacific Affairs” ввиду беспримерности конструкции, которая хотя и знает предтечу, но не имеет прецедента.

Реализовать ослабляющую напряженность силу огромных морских просторов Земли наряду с их сближающей народы способностью как активное, позитивное средство к установлению наднациональных сношений – разумеется, в самом широком масштабе своего бассейна – это грандиозная культурно-политическая идея. Несомненно, враждебное отношение к ней не только ставит нападающего в положение противо-

закона, но – что, вероятно, более действенно, – и наносит ему ущерб. Он причаливает к противоположному берегу, в силу суровой целесообразности используя язык моряков Соединенных Штатов, с пустыми бункерами и полными трюмами, т.е. испытывая большие трудности в пополнении топливом, и с уменьшившейся скоростью и работоспособностью (на память приходит безумный рейс Рождественского)¹⁶. Там он должен тотчас же рассредоточить свои силы и в ответ на короткий оборонительный удар подвергшихся нападению небольших, но более сплоченных, чем нападающие, действующих из высокого морального сочувствия нейтралов высадить морские и воздушные силы. Провал означает уничтожение: также и моральное! Это сообщение во многом способствовало тому, что именно на самом крупном океане впервые было осуществлено действительное сокращение наступательных и оборонительных морских вооружений (Вашингтонская конференция 1922 г.)¹⁷ и дальнейшие предложения исходят от прибрежных государств этого региона (1930)¹⁸. Именно опыт этого региона подтвердил, что национальная предупредительная забастовка, бойкот товаров враждебной страны, невзирая на то что массы потребителей бедны, а транспорт парализован, – разумеется, более эффективное средство будущих перемещений силы, чем поднятые на столь чудовищную высоту еще в мировой войне прямые средства насилия. Но и авиация без стабильной наземной организации бессильна. Это убедительно показали полеты над морем через Курилы, вдоль Иранского побережья, над Индией и из Индии в Австралию. В результате растет стремление оградить законом прежде всего отдельные моря, наконец, попробовать, как вообще могло бы использоваться в качестве понятия-приманки “Открытое море” на службе крупных политических форм или при взаимном компромиссе между панобразованиями.

Такой подход, конечно, создавал угрозу превратить малопространственные ландшафты в недееспособные, каковыми стали эллинские мелкие ландшафты внутри *Orbis Romanus* и эллинистического культурного содружества, да к тому же и в сравнительно короткое время.

Надо признать, что – рассмотренные в таких измерениях – как панъевропейская, так и панавстралийская мысль, видимо, уже утратили, если не под угрозой утратить свою панмасштабность для государственных деятелей, мыслящих широкими пространствами реальных частей Света, континентов и океанов. Именно парадоксальным образом, потому что первую слишком многие люди на слишком малом жизненном пространстве воспринимают как ограниченную

слишком малой способностью нести нагрузку, в то время как державы, владеющие большими пространствами, могут маневрировать, обладая пространством, производящим продовольствие; вторую слишком малое число людей на слишком обширном, изголодавшемся по населению пространстве воспринимают так, что при существующем где-то в другом месте давлении массы, со свойственным ей пространственным эгоизмом, они могли бы всерьез и надолго лишиться его. В еще большей степени это относится, пожалуй, к новозеландцам, которые, не имея даже 1,5 млн. населения при плотности 5 жителей на кв. км территории (в целом 207 500 кв. км), считают своей частью суши и моря, превосходящую ту, что занимает Японская империя с ее 90 млн. населения.

Чтобы эволюционным путем сгладить такие несоразмерности внутри одного океанского бассейна, потребуется, вероятно, еще посредничество одной панидеи между столь различно сформировавшимися членами Лиги Наций. Однако этой сглаживающей функции противостоят, к сожалению, как мощнейшее препятствие, очень устойчивое страстное желание более чем миллиарда людей в Азии, вмешательство держав, которые с помощью насилия создали столь несправедливое право и ныне пытаются удержать его посредством юридических построений, по меньшей мере закрепить оставшиеся у них территории. Это – силы азиатского и африканского континентального мышления, противящиеся революционным путем любой самой большой океанской сглаживающей панидее. Прежде чем мы рассмотрим места, где оба этих мышления противостоят друг другу на пересечениях, известных крупными стычками на протяжении столетий, и докажем наличие борьбы между океанским и континентальным панобразованиями, нам следует остановиться именно на морских пан-представлениях чужеземного происхождения во внутренней стране и исследовать, могут ли они развиваться в противовес связям между традиционными частями Света, какими они ныне являются.

Главными выразителями развития панокееанского мышления являются северогерманцы (норманны, англ, саксы)¹⁹ и малай-монголы или малай-полинезийцы. Только сменявшие друг друга и (как сказал бы Ратцель) скорее прибрежные и талассийские, чем океанские, вносят свою долю финикийцы, эллины, римляне и романские народы, иберы, а затем французы; арабы (плава в своем индоокеанском регионе от китайцев и обратно) совершенствуют то, что адмирал Баллард в своей книге “*The rulers of the Indian Ocean*” (“Властители Индийского океана”)

описал как идеологию Индийского океана, а ранее ею поочередно овладевали иберы [испанцы и португальцы], голландцы, французы, британцы; в “Тангалoa”²⁰ – учении полинезийцев, в японском мифе о происхождении синто для нас сохранились лишь остатки того, насколько сильным было океанское влияние на все мышление и восприятие народов восточноазиатской островной дуги – архипелага Южного моря до того, как туда проникла белая раса. Потребовалось длительное время, пока они не пришли в себя после такого потрясения и не вернулись к своей первоначальной геополитике; и началом этого, видимо, является поворот японской политики вовне, ее медленный подъем от неудачи, вызванной насильственным взломом самоизоляции Японии североамериканцами (1854)²¹, к победе над северо-тихоокеанской Российской империей (1905).

В восточной Евразии в роли естественного воспитателя пан-морских взглядов мы видим австрало-азиатское Срединное море, внутренние воды Японии, Японское море, а также кратковременно существовавшее славянское образование в северной части Тихого океана – Берингово и Охотское море, в западной Евразии – Зунд, Балтийское море, Северное море, Эгейское море, Красное море и Персидский залив, романское Средиземное море; совсем недолго, но трижды в истории Черное море также выполняло такую роль. Стало быть, это два, хотя и разорванных пояса Окраинных морей, которые вопреки всякому океанскому противодействию естественному соединению частей Света служат своеобразными заповедниками. Оба этих пояса огибают Цейлон у южной оконечности Индии, играя славную посредническую роль для всех “наездников муссона” в политике и экономике, в легендах и сказках. Указатели смены курса Малакка – Сингапур на Востоке, пространство между Аденом – Маскатом и Занзибаром на Западе.

В противоположность открытому островному миру Индонезии с ее пантихоокеанскими и индоокеанскими связями в значительно рассредоточенном австрало-азиатском Срединном море индийская континентальная панидея – явно обособленная, центростремительная, автаркическая, материковая. Поэтому европейцы смогли, прежде чем в Индии воочию заметили, соорудить свои важнейшие оплоты – опорные пункты на побережье чуждой коренной стране империи Индийского моря. Далее, все ветви географии признают особые океанские индо-тихоокеанские связи и связности: морфология (Рихтгофен)²², климатология (краски муссонных земель Кёппена!), океанография, в особенности сведения о растительном и животном мире (Дофлейн), антропология (Мартин и др.;

цветные народы в окружении Индийского моря и западной части Тихого океана). Этим связям и связностям противостоит пришлое с Атлантики, чуждое господство над Индийским морем! Это ведет к тому, что выходит наружу длительная, постоянно скрытая напряженность между Британской империей Индийского моря и пантихоокеанской, как и малайско-монгольской, идеями; носителями этой напряженности становятся цветные народы континента и островов. Это позиция некоего неизбежно лабильного состояния: ведь на пороге между далями Индийского и Тихого океанов северогерманские белые власти в лице всего около 200–250 тыс. белых господствуют над пространством в 7,85 млн. кв. км с 390 млн. цветного населения, часть которого принадлежит к древним культурным расам, а 90 млн. соседних, расовородственных жителей третьей по мощи мировой державы на суше и море [т.е. Японии] наряду с 450 млн. старейших, в настоящее время находящихся вместе в имперских рамках культурного альянса на постоянной основе, должны надолго оставаться нейтральными и безучастно наблюдать за происходящим. Отсюда дальновидное намерение в Соединенных Штатах Америки своевременно предотвратить скандал, связанный с управлением из-за рубежа вопреки их воле Филиппинами²³ как жертвой пантихоокеанской идеи! Но будет ли усиливаться опасность для традиционных колониальных держав из-за наступления примерно в то же самое время, с 1911 и 1919 гг., паназиатской идеи на открытое Мировое море, за которой – 328 млн. индийцев и 450 млн. китайцев и вместе с ним разоблачение (демаскирование) будущих стычек между самой крупной и жизнеспособной континентальной панидеей Старого Света – паназиатской и самой крупнопостранственной, несомненно связанной геополитически и культурно-географически с судьбой Нового Света, противостоящей ей панидеей Океана – тихоокеанской с ее обратным индо-тихоокеанским воздействием!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ (с.303) “Geopolitik”, 1929.

² Саллюстий (84–34 гг. до н.э.) – римский историк, один из наиболее проникательных и точных римских писателей.

³ Имеется в виду Понтийская Каппадокия (область в Малой Азии), которая в 280 г. до н.э. стала самостоятельным царством и во времена Митридата VI (132–63 гг. до н.э.) пережила пору своего наивысшего экономического и политического расцвета (с 63 г. до н.э. – римская провинция, с 40 г. до н.э. до 64 г. н.э. снова самостоятельное царство, затем снова римская провинция).

³ “Владения на Балтийском море” (*лат.*).

⁴ Римская империя, которая к концу республиканского периода охватывала, в понимании римлян, весь тогдашний мир – *Orbis terrarum*. Она характеризовалась своим особым расположением по отношению к Средиземному морю. Именно отсюда Рим распространил свое влияние, присоединив к себе одну за другой территории на континенте. Эта цивилизация занимала пространство от Испании до Сицилии и провинций Северной Африки.

⁵ Мемфис – древнеегипетский город (к юго-западу от Каира). Основан в 3-м тысячелетии до н.э.; столица Египта в 28–23 вв. до н.э.

Ур – город в Месопотамии (Ирак), в 3-м тысячелетии до н.э. город-государство.

Хараппа – один из главных центров Хараппской цивилизации в Пенджабе (Пакистан) (середина 3-го и первая половина 2-го тысячелетия).

Мохенджо-Даро – город в Пакистане (3–2-е тысячелетия до н.э.) – один из центров хараппской цивилизации.

⁶ Мидгарский змей в германской мифологии олицетворял Мировой океан.

⁷ Пальмерстон Генри Джон Темпл (1784–1865) – британский государственный деятель и дипломат, в 1846–1851 гг. министр иностранных дел, в 1855–1858 и в 1859–1865 гг. премьер-министр. Главным противником Великобритании считал Россию.

⁸ Твердая земля, суша (*лат.*).

⁹ Гото Симпей (1856–1929) – японский государственный деятель и дипломат. Возглавлял японо-советское общество культурного сближения.

¹⁰ Речь идет о Конвенции об основных принципах взаимоотношений (Пекинский договор 1925 г.) между Союзом ССР и Японией.

¹¹ См. примеч. 13. С. 78.

¹² *Frumentum* – хлеб (зерно) (*лат.*). Кризис на закате Римской республики привел к раздаче хлеба беднейшим слоям населения, а плодородные провинции были обязаны поставлять Риму хлеб как натуральную подать.

¹³ Гогенштауфены – династия германских императоров и императоров Священной Римской империи (1138–1254). С конца XII в. владели Южной Италией и Сицилией. Стремление Гогенштауфенов – Фридриха I Барбароссы, Генриха VI и Фридриха II – создать мировую империю привело их к борьбе с папами, с католической церковью.

¹⁴ См. с. 234 данного издания.

¹⁵ Речь идет о блокировании Дарданелл в годы первой мировой войны, что сделало невозможным использование для поддержки России морских путей, проходящих через Черное море. Русский флот был заблокирован там, так как Дарданеллы находились в руках противника. Русский флот в свою очередь блокировал Босфор, чтобы не допустить прохода немецких кораблей в Черное море и обстрела побережья России.

¹⁶ Автор имеет в виду 2-ю Тихоокеанскую эскадру русского флота под командованием вице-адмирала З.П. Рожественского, совершившую во время русско-японской войны переход из Балтийского моря на Дальний Восток и разгромленную в Цусимском сражении (1905 г.).

¹⁷ На Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. пять ее участников – США, Англия, Япония, Франция и Италия – подписали договор об ограничении морских вооружений, установивший максимально допустимый тоннаж для линкоров и крейсеров, а также максимальный калибр их артиллерии. См. также примеч. 8. С. 103.

¹⁸ Как уже упоминалось, Вашингтонская конференция не положила конец гонке морских вооружений. На Лондонской конференции 1930 г. было узаконено формально равенство флотов США и Британской империи.

¹⁹ Англи, саксы – германские племена, участвовавшие в завоевании Британии в V–VI вв.

²⁰ Тангалoa (Тангарoa) – у полинезийцев и микронезийцев (острова Гилберта) небесное божество, в ряде мифов Западной и Восточной Полинезии само небо, а также радуга и дождь, бог морской стихии.

²¹ См. с. 61–62.

²² Рихтгофен Фердинанд Пауль Вильгельм (1833–1905) – немецкий ученый, представитель естественно-научного направления в географии. Его выдающиеся научные результаты – путешествие по Китаю (1868–1872). Решительно отстаивал взгляд на географию как науку естественную.

²³ См. примеч. 18. С. 301.